

НАУЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

С.Н. Кучеренко

ИЗМЕНЕНИЕ УСЛОВИЙ РЕАЛЬНОЙ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФАКТОР ПРЕОБРАЗОВАНИЯ КАТЕГОРИАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ УСТАНОВКИ ЛИЧНОСТИ

Томский государственный педагогический университет

Динамика личности в современных российских условиях в существенной степени детерминирована изменением социально-экономических и идеологических ориентиров общества. Наиболее концентрированное выражение этих изменений связано с преобразованиями в политической структуре общества, с той новой ответственностью, которая ложится на каждую личность в процессе соучастия в политической деятельности. Психологической репрезентацией политической направленности личности является «категориальная политическая установка», представляющая собой образование двойственной (субъект-объектной), системной природы, интегрирующее причинные потоки потребностной сферы личности, внешних условий, самой деятельности. Категориальная установка рассматривается как «фильтр-модулятор», влияющий на систему значений, как фиксированных установок, способствующий актуализации тех паттернов смысловых признаков, которые релевантны текущей деятельности [8, с. 24].

Мы предполагаем, что одной из основных детерминант категориально-установочного преобразования систем политических диспозиций выступают изменения условий существования личности, поэтому мера и глубина этих изменений отразится в изменении субъективных семантических пространств, размерность, содержательные характеристики которых, наряду с распределением политического квазивещества, репрезентируют категориальную политическую установку.

Экспериментальное исследование проводилось в два этапа: май и сентябрь 1998 г. В исследовании на разных этапах приняли участие 980 человек - жителей города Томска. Выборка формировалась в соответствии с социально-демографической структурой городского населения.

Для целей исследования создан релевантный для городской выборки компактный психосемантический тест: пункты опросника (53 шкалы-дескриптора) и политические объекты (15 политических понятий) были получены в результате двух этапов ассоциативного эксперимента, укрупнения

ассоциативного материала с помощью метода классификации Г. Миллера с последующим кластер-анализом (метод K- means clustering) полученных матриц совстречаемости ассоциаций.

Общегрупповые матрицы данных, полученные по результатам двух срезов, подвергнуты процедуре факторного анализа с подпрограммой поворота осей по принципу «varimax».

В результате обработки данных первого среза по всей выборке с помощью факторного анализа выделено 6 устойчиво-значимых факторов, объясняющих соответственно 31,5%, 19,4%, 12,6%, 8,9%, 7,6%, 5,2%. В соответствии с семантическим содержанием шкал-категорий, объединенных в факторы, мы назвали их следующим образом: Ф1 («Польза - бесполезность»), Ф2 («Безнравственная коррумпированность - Нравственность»), Ф3 («Мужественность - Зависимая слабость»), Ф4 («Могущественная жестокость - Посредственность»), Ф5 («Дурная активность») и Ф6 («Харизма - Низость»). Размер статьи не позволяет нам представить семантические пространства во всем многообразии выделенных факторов и стоящих за ними шкал-категорий. Поэтому мы ограничимся перечислением выделенных факторов и проиллюстрируем размещение политических объектов в пространстве факторов, обладающих наибольшей субъективной значимостью.

Расположение политических объектов в пространстве факторов «Польза - Бесполезность» и «Безнравственная коррумпированность - Нравственность» (рис. 1).

По фактору «Польза - Бесполезность» все объекты можно объединить в 4 группы. Повышению благосостояния личности, ее уверенности в завтрашнем дне должны способствовать «Президент», «Губернатор», «Мэр», в то время как действующие президент, премьер - министр оцениваются по этому критерию значительно ниже, что указывает на то, что реальные политические руководители не вписываются в рамки «потребностного будущего».

К высоко оцениваемым, с позиции полезности и работоспособности, относятся также исторические

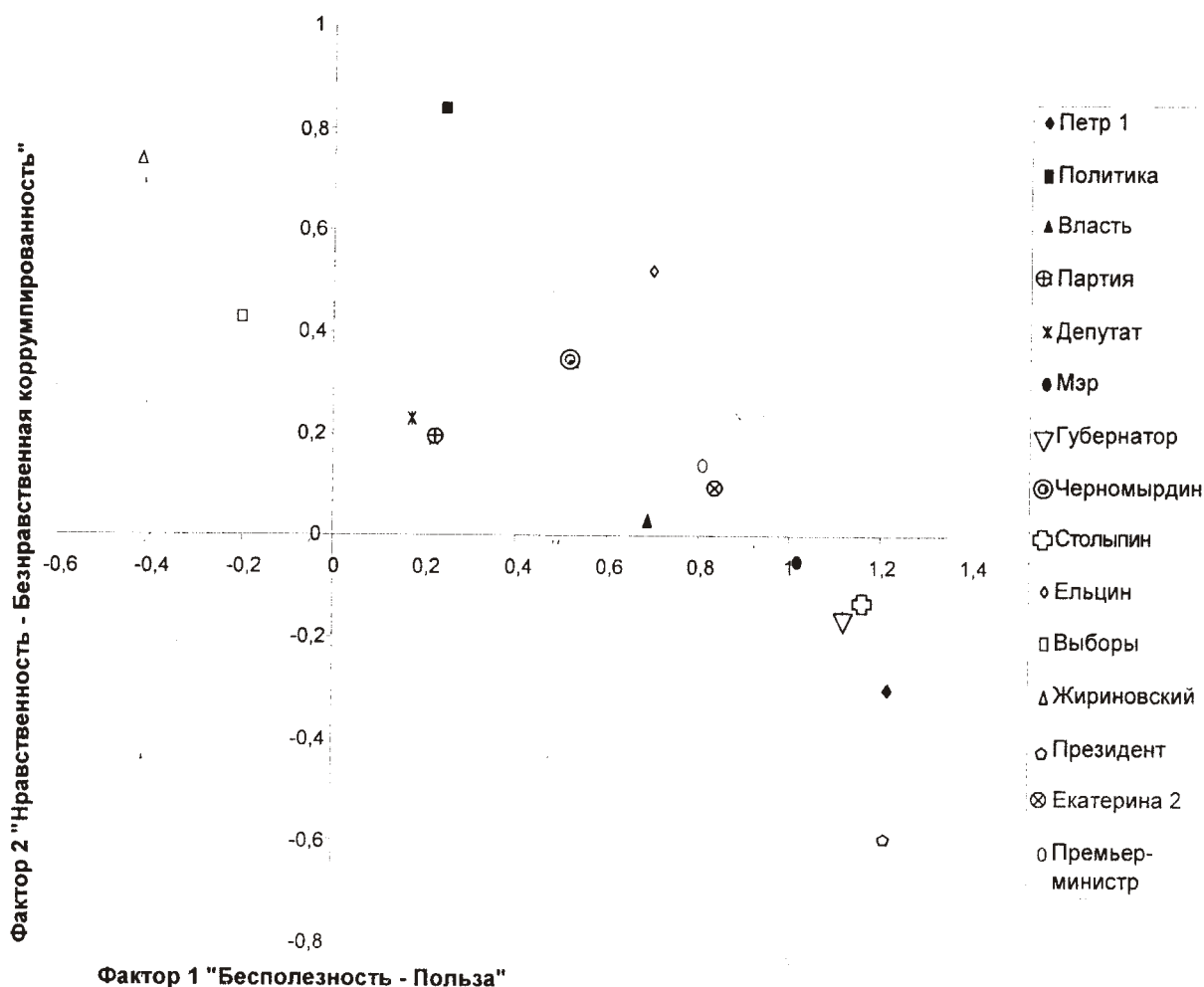

Рис. 1.

лидеры: Петр I, Столыпин. Ко второй группе относятся понятия «Власть», «Премьер-министр», Екатерина II, Ельцин и Черномырдин. В первую и вторую группы вошли все статусы исполнительной ветви власти, а также люди занимающие эти посты. В следующую группу политических объектов, оцениваемых, как в меньшей степени приносящих пользу, объединяются «Депутат», «Партия» и «Политика». Как «безрезультативные», «бездеятельные», «неспособные добиться поставленной цели» оцениваются «Выборы» и Жириновский. Низкая оценка выборного процесса, который считается одним из основных завоеваний демократии, демократических свобод, является причиной снижения избирательной активности.

Критерий «Безнравственная коррумпированность - Нравственность» разделяет все политические объекты на 2 группы. Как справедливые, нравственные воспринимаются «Президент», «Губернатор» и «Мэр», а также Петр I и Столыпин.

Все остальные объекты набирают баллы по критерию «Безнравственной коррумпированности», причем максимальные оценки получили «Политика», Жириновский, Ельцин и «Выборы». В оценке объектов по этому фактору опять проявилась дивергенция между статусами исполнительности власти и людьми, осуществляющими соответствующие полномочия. Налицо интересный парадокс: положительно оценивая ряд статусов и персоналий по фактору 1 «Пользы», те же испытуемые отказывают им в положительной нравственной оценке (фактор 2). Следует отметить, что в целом понятие «Власть» оценивается и как более полезное, и как более нравственное по сравнению с понятием «Политика».

Поскольку действие категориальной установки заключается в приспособлении субъективного оценивания значимости критериев политической действительности к условиям реальной жизнедеятельности, постольку результатом ее функционирования

ния является выделение факторов, представляющих собой макрокритерии отношения респондентов к политической действительности, в которых происходит иерархизация значений по степени их информативности для осуществления политической активности в данном стабильном периоде (зима - весна 1998 г.). С другой стороны, именно «силовое поле» категориальной установки задает такое, а не иное расположение объектов в семантическом пространстве и нагрузки объектов по соответствующим критериям.

В исследовании, проведенном осенью 1998 г., использован тот же опросник. Однако исследование проводилось на фоне социально-экономического и

закономерностей преобразования субъективных семантических пространств.

В результате обработки данных по всей выборке с помощью факторного анализа было выделено 4 устойчивых фактора, объясняющих соответственно 63,7%, 14,6%, 3,6%, 3,4% общей дисперсии. В соответствии со смысловым инвариантом суждений факторы названы нами Ф1 «Сила, обеспечивающая безопасность и законность - Немощная серость», Ф2 «Безнравственная дурная активность - Нравственная мужественность», Ф3 «Коррупцированное приспособленчество - Умная хозяйственность», Ф4 «Активность». Расположение политических объектов в пространстве факторов «Сила, обеспечиваю-

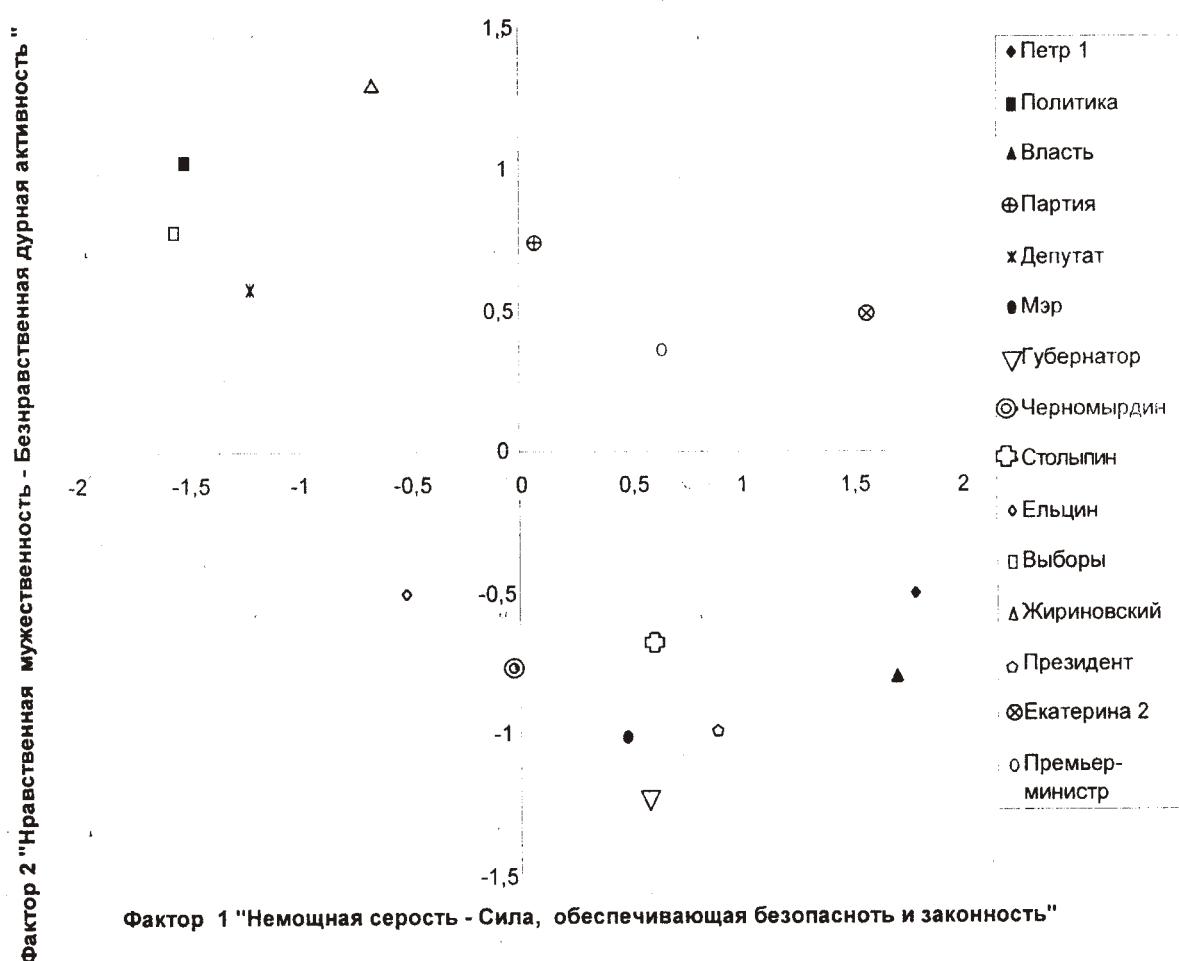

Рис. 2.

политического кризиса. В исследовании приняло участие 400 человек, жителей города Томска. Согласно нашей логике существенные изменения условий существования личности должны привести к переструктурированию выявленной на предыдущем этапе исследования картины политической жизни; о роли внешнего детерминационного потока можно будет судить на основании

«Сила, обеспечивающая безопасность и законность - Немощная серость» и «Безнравственная дурная активность - Нравственная мужественность» (рис.2)

Размещение объектов анализа в пространстве основных факторов «Сила, обеспечивающая безопасность и законность - Немощная серость» и «Безнравственная дурная активность - Нравственная мужественность» дает основание говорить о

поляризации оценки большинства объектов по принципу «хорошие - плохие». Так, максимально поляризованными являются понятия «Политика» и «Власть», другие объекты группируются вокруг них. Понятие «Политика», «Выборы», «Депутат» и Жириновский образуют констелляцию в квадранте «Безнравственной дурной активности» и «Немощной серости», а понятия «Власть», «Президент», «Губернатор», «Мэр», Петр I, Столыпин - в квадранте «Силы, обеспечивающей безопасность и законность» и «Нравственной мужественности». Отмеченная поляризация квазивещества семантического пространства может быть объяснена ассимилятивно-контрастным механизмом влияния внешнего фактора и обостренной на фоне кризиса потребностью в безопасности.

Основные выводы

Категориальная установка как психологическая инстанция, обеспечивающая приспособление субъективной оценки к меняющемуся контексту жизнедеятельности, выражается в преобразовании субъективных политических семантических пространств и может анализироваться по следующим трем позициям: 1) размерности (числу базисных факторов) семантического пространства; 2) семантическому содержанию факторов; 3) размещению анализируемых политических реалий в этом пространстве [4, 5, 6].

Сравнивая количество факторов, выделенных на первом и втором этапах психосемантического исследования, следует отметить резкое уменьшение размерности семантического политического пространства: если в ситуации стабильности сфера политической жизнедеятельности оценивалась с использованием шести критериев, то в условиях кризиса количество критериев уменьшилось до четырех. Этот факт известен как «уплощение картины мира», происходящей в ответ на фрустрацию базовых потребностей личности [3] и может быть проинтерпретирован в связи с возникшей склонностью к резким полярным суждениям, оценкам, осуществляемым «более сердцем, чем умом» [4, с. 55]. Уменьшение когнитивной сложности связано с уменьшением дифференцированности оценивания политической действительности, поляризации политических объектов и процессов.

Само содержание выделяемых факторов позволяет выявить различия категориальных политических установок первого и второго среза исходя из того, какие категории формируют наиболее весомые факторы, что в них противопоставляется, если факторы биполярные. Если на первом этапе психосемантического исследования в качестве ведущего критерия оценивания политических объектов вы-

ступал фактор «Польза - Бесполезность» (31,5% общей дисперсии), полюса которого сформированы категориями «польза», «работоспособность», «уверенность в завтрашнем дне», с другой стороны - «незначимость», «пустословие», «неспособность добиться цели», то в ситуации кризиса первый фактор был преобразован в фактор «Силы, обеспечивающей безопасность и законность - Немощной серости» с весом 63,7% общей дисперсии. Высокий «вес» первого фактора позволяет говорить о том, что он выступает, фактически в качестве единственного и главного критерия оценивания, вбирая в себя группы категорий, составлявших в первом срезе содержание факторов «Польза - Бесполезность» (фактор 1), «Могущественная жестокость - Посредственность» (фактор 4), «Харизма - Низость» (фактор 6). В этот ведущий фактор с наибольшим весом входят категории «гарантия безопасности», «могущество», «жестокость», «деспотизм», на другом полюсе - «пустословие», «незначимость», «низость», «неспособность добиться цели».

Второй фактор в первом (21,5% общей дисперсии) и втором (14,6%) срезах представлен категориями нравственности, но в первом случае нравственности противостоит качество коррумпированности; во втором срезе нравственность ассоциируется с мужественностью, оппозиитами которых выступают «скандальность» и «истеричность», а качество коррумпированности противостоит «умной хозяйственности» в составе третьего фактора (4,6%).

Категория «активности», входящая в первом срезе в состав первого фактора наряду с работоспособностью, деловитостью и пользой, во втором срезе образует самостоятельный фактор (3,4% общей дисперсии), становясь одним из оснований анализа и оценивания политических реалий.

Другим аспектом изменения категориальной установки выступает движение «квазивещества» семантических пространств. Уменьшение числа значимых факторов привело к «уплощению» семантического пространства, поляризации политических реалий вокруг двух центральных понятий «Политика» и «Власть». Понятия, ассоциированные с «Властью», воспринимаются как обеспечивающие безопасность и законность. Средствами обеспечения безопасности, уверенности в завтрашнем дне выступают жестокость и деспотизм, оцениваемые в контексте кризиса не только как допустимые, но и нравственные. «Власть» мыслится статичной, блокирующей перемены, гарантирующей от непредвиденных изменений ситуации. Понятие «Политика», образующее констелляцию с понятиями «Депутат» и «Выборы», характеризуется как безнравственная, захваченная процессом непродуктивной деятель-

ности, которая и привела к ситуации кризиса и должна быть заблокирована в соответствии со все возрастающей потребностью в защищенности и безопасности.

Учитывая результаты общероссийского исследования актуальных потребностей населения (в котором использовалась иерархическая модель А. Маслоу) [9], выявившего, что у российских респондентов ведущей является потребность в безопасности (62,5%), а настоящая ситуация характеризуется как «отсутствие правил игры, несоблюдение законов, вседозволенность», представляется логичным предположить, что падение уровня жизни и кризис августа 1998 г. еще более обострили хроническую неудовлетворенность в безопасности, выведя ее на уровень стратегических смыслообразующих мотивов. Не имея возможности рассматривать динамику понятий «Политика» и «Власть» в лонгитюдном исследовании, мы можем тем не менее выдвинуть гипотезу, согласно которой именно изменение положения этих объектов в политических семантических пространствах позволит прогнозировать направление политической активности личности, ее отношение к основным завоеваниям демократии (усиление института представительной власти, института выборов) и тенденцию ориентации на харизматических, деспотичных лидеров, персонифицирующих потребностный политический образ.

Согласно Л.И. Анцыферовой [2], развитие любых развивающихся систем предполагает взаимодействие двух противоборствующих тенденций - тенденция к сохранению и изменению данных систем. В аспекте рассмотрения категориальных политических установок, формирующих целостную направленность личности относительно конкретной сферы жизнедеятельности, эти универсальные тенденции репрезентированы в положительной или отрицательной оценке общественных процессов, обуславливающих динамику общества. Так, полюс

«Политики», олицетворяющий тенденцию к изменению, начинает зримо приобретать негативные характеристики (в период с весны по осень 1998 г.), тогда как деспотичная «Власть», способная заставить стабильными ставшие деструктивными перемены, начинает поддерживаться как положительное явление.

Следует отметить также, что наше исследование подтвердило неоднократно зафиксированную закономерность эмоционального оценивания политических реалий [1] с позиций нравственности. Категории нравственности пронизывают все остальные представления, входя в состав выявленных на первом и втором этапах критериев-факторов. Этот факт можно связать с фрустрированной потребностью в безопасности, которую в цивилизованном обществе обеспечивают развитые институты права, опосредующие отношение личности и общества, тогда как в российском обществе личность оказывается один на один с беззаконием, коррупцией, остро переживает свою незащищенность.

Таким образом, предпринятое нами исследование категориальной установки в изменяющихся условиях жизнедеятельности позволило раскрыть детерминирующую роль внешнего фактора: в соответствии с системным рассмотрением установки [7] внешние преобразования порождают как изменения потребностной сферы, так и трансформацию самой категориальной установки в ее структурно-содержательных аспектах, зафиксированных нами. Очевидно, что в категориальной политической установке, функционирующей в реальной жизнедеятельности, интегрируются различные детерминационные потоки, берущие начало не только во внешней ситуации, но и обусловленные ведущей деятельностью, социальными и индивидуальными различиями, ценностно-смысловыми ориентациями, тем самым анализ системной детерминации категориальной политической установки требует последующего изучения.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Социальное мышление личности: проблемы и стратегии исследования // Психологический журнал. 1994. № 4. С. 39-55.
2. Анцыферова Л.И. Психология повседневности: жизненный мир личности и «техники ее бытия» // Психологический журнал. 1993. № 2. С. 3-16.
3. Назаретян А.П. Политическая психология: предмет, концептуальные основания, задачи // Общественные науки и современность. 1998. №1. С. 154-162.
4. Петренко В.Ф., Митина О.В. Отношение граждан России к реформам и типология политических установок // Психологический журнал. 1997. №5. С. 31-61.
5. Петренко В.Ф., Митина О.В. Психосемантический анализ динамики качества жизни россиян (период 1917-1995) // Психологический журнал. 1995. №6. С. 17-31.
6. Петренко В.Ф., Митина О.В. Психосемантическое исследование политического менталитета (Россия 1991, 1993) // Общественные науки и современность. 1994. №6. С. 42-55.
7. Шептенко О.Б. Системная детерминация профессиональных установок в реальной жизнедеятельности: Автореф. канд. дис... Барнаул, 1998. 22 с.
8. Шмелев А.Г. Введение в экспериментальную психосемантику. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. 158 с.
9. Юрьев А.И. Введение в политическую психологию. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 1992. 232 с.